

Великий реалист и суровый обличитель

(К 30-летию со дня смерти А. Н. Толстого)

А. Н. Толстой

Тридцать лет назад, 20 ноября 1910 года, умер великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. Это был один из крупнейших писателей мира. Его творчество навсегда останется одной из вершин русской культуры, наряду с творчеством Пушкина, Чайковского, Гоголя.

Гениальные произведения Толстого — романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», повести «Казаки», «Хаджи Мурат» и многие другие — известны каждому культурному человеку. В этих произведениях заключено столько жизненной правды и художественной силы, что они, по словам Ленина, «занимали одно из первых мест в мировой художественной литературе» (Ленин. Соч. Том XIV, стр. 400).

Толстой был непримиримым врагом самодержавия и эксплуататорских классов. Уже в первых своих произведениях, в «Детстве» и «Отрочестве», он осудил помещичий уют, основанный на чужом труде и унижении человеческой личности. В этих повестях уже проявились замечательные мастерство писателя, те напряженные поиски правды, которые вскоре привели Толстого к суровой критике самодержавно-помещичьего строя.

Рисую широкие картины русской жизни, Толстой всегда с любовью изображал людей из народа. Простыми, мудрыми, полными душевной красоты являются перед нами Бронка и Марьяна из повести «Казаки». Настоящими патриотами, беззаветно преданными родине, выглядят солдаты, мужественные защитники Севастополя, описанные Толстым в «Севастопольских рассказах».

Но подлинным гимном в честь русского народа, вечным памятником его славы и доблести является роман Толстого «Война и мир», посвященный историческому прошлому России. В грандиозных картинах здесь показано величие народа, восставшего против иноземных захватчиков, грудью отстаивающего независимость своей родины. «Дубина народной войны», — пишет Толстой в «Войне и мире», — поднялась со всею своею прозою и величе-

ственной силой и, не спрашивая никаких вкусов и правил, ... поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

«Война и мир» — произведение, которое по охвату событий, по силе и яркости их описания не имеет равного себе в мировой литературе.

Толстой пристально изучал жизнь народа, любил его язык и нравы, с любовью описывал жизнь людей из народа, описывал его страдания. Совершенно иначе изображал Толстой жизнь привилегированных классов, жизнь, полную лжи, разврата и лицемерия. В романе «Анна Каренина» вскрыты фальшь и гнилость семейных и общественных отношений, господствовавших в аристократической среде.

В «Воскресении» Толстой показывает трагедию женщины из народа, обреченной на гибель в условиях социальной лжи и несправедливости. Писатель с огромной силой разоблачает комедию царского суда с его произволом, высмеивает церковь и религию с ее ханжескими обрядами и показным человеколюбием.

Обличая в своих произведениях режим самодержавия и угнетения, Толстой являлся выразителем «тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства во время наступления буржуазной революции в России» (Ленин. Соч. Том XII, стр. 333).

Отражая в своей критике самодержавного строя гнев и ненависть широких масс крестьянства, их стихийный протест, Толстой заблуждался в способах борьбы против векового угнетения, не знал правильных путей этой борьбы. В своих статьях Толстой проповедывал «непротивление злу», отрицая классовую борьбу против эксплуататоров.

Толстовские заблуждения давно отброшены историей. Лев Толстой дорог нам не как моралист и проповедник, а как смелый разрушитель старого мира, как беспощадный критик капитализма, как гениальный художник, навсегда прославивший лучшие черты породившего его народа.

В. ЖДАНОВ.

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

«Весь мир, вся земля смотрит на него; из Китая, Индии, Америки — отовсюду к нему протянуты живые, трепетные нити, его душа — для всех и — навсегда!» Так писал Горький о Толстом. Слова эти, начертанные на стене Яснополянского музея, сохраняют всю силу и свежесть, как будто они прозвучали только вчера.

Более 70 лет провел он в Ясной Поляне. И только 12 — вне ее. Тут он родился и вырос, тут написаны лучшие его произведения, и тут же, неподалеку от усадьбы, похоронен его прах. Он сам говорил: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я может быть яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду допристрастия любить его».

В музее Ясной Поляны бережно хранят много вещей, с которыми соприкасался живой Толстой: шкаф с охотничьими принадлежностями и коллекцией старинного оружия в передней; низкий шахматный столик, подаренный Толстому Московским обществом любителей шахматной игры; два скромных рояля в столовой. На этих роялях играли виднейшие музыканты его времени, а порою — и сам Лев Николаевич, любивший и высоко ценивший музыку. В столе его кабинета — стелсарины и садовые инструменты. В спальне — гимнастический гири, которыми он упражнялся до глубокой старости; етек, напоминающий о страстной его привязанности к верховой езде; и — книги, книги, книги в больших застекленных шкафах, вдоль стен на полках, — 22 тысячи томов, из которых 14 тысяч хранят на себе пометки и замечания Толстого.

Культура его труда поразительна, он писал однажды, что «лучше всего бы было чередовать занятия дня так, чтобы упражнять все четыре способности человека», и сам неуклонно стремился выполнять это правило, посвящая одну часть дня тяжелому физическому труду, другую — умственному, третью — ремесленному и четвертую — общению с людьми.

Менее всего он был кабинетным писателем, отшельником, замкнувшимся от жизни и от людей в своей яснополянской усадьбе. От его внимания не ускользало ни одно общественное событие или движение. В столовой, — самой просторной комнате яснополянского дома, где за длинным обеденным столом собирались семья Толстого и его гости, — разгорались жаркие споры о политике, литературе, искусстве, о морали. В этих страстных спорах принимали горячее участие Толстой и его го-

сти: Чехов, Горький, Ретив, Короленко, Стасов, еще раньше — Тургенев, Лесков и многие другие выдающиеся современники Толстого.

Любил Толстой и прогулки по Московско-Киевскому шоссе, которое он шутливо называл своим «Невским проспектом». По этому «проспекту» он неоднократно ходил пешком из Москвы в Ясную Поляну и на пути присматривался, наблюдал, заводил знакомства, с рабочими, крестьянами, богомольцами, слушал рассказы бродяг, исколесивших страну.

Общение с людьми и общение с природой волновало и вдохновляло Толстого. В истории мировой литературы мало найдется писателей, которые так полно и так глубоко чувствовали красоту жизни. «Теперь лето и прелестное лето, и, я как обыкновенно, ошалевая от жизни и забываю свою работу», — писал он Фету. — Нынешний год долго я борюсь, но красота мира победила меня. И я радуюсь жизни и больше почти ничего не делаю».

Живописные окрестности Ясной Поляны, знаменитый «прешпект» — аллея в парке, ведущая к белому двухэтажному дому Толстых, дубовая роща позади дома известны теперь всему миру, так как они описаны в «Войне и мире», «Анне Карениной», «Утре помещика».

Самое уединенное и самое отдаленное помещение в яснополянском доме — «комната под сводами»; в старину она была кладовой. Об этом красноречиво напоминают сделанные в стену и в потолок кольца, к которым подвешивались продукты. Толстому «комната под сводами»; почти 30 лет служила кабинетом. Здесь он мог уединиться от шумной жизни всего остального дома. Здесь он писал «Войну и мир».

В 1901 году, когда здоровье Толстого начало слабеть, он перенес свой кабинет в другую комнату — более светлую и сухую, с большим итальянским окном и балконом.

В новом кабинете Толстой работал последние годы своей жизни, вплоть до той ночи, когда он навсегда ушел из Ясной Поляны. И веки в этой комнате лежал на том же месте, на котором их оставил Толстой 30 лет назад.

Дом Толстого удивительно прост и скромен. И так же проста могила великого художника — небольшой холм в лесу, на краю оврата, покрытый свежими еловыми ветками и заперенный первым снегом.

Б. ГАЛАНТЕР.

ВАСИЛИЙ ШИБУНИН

В 1866 году в 8—10 верстах от Ясной Поляны, в деревне Большие Озерки, произошел случай, который, по словам Толстого, имел на всю его жизнь гораздо большее влияние, чем все казущиеся более важными события жизни.

Рядовой Василий Шибунин, выведенный из себя систематической, день из дня продолжавшейся травлей ротного командира, ударил его по лицу и был приговорен за это военно-полевым судом к расстрелу. Толстой участвовал в процессе в качестве защитника Шибунина. Из-за несоблюдения малой судебной формальности просьба Толстого о помиловании, поданная им на высочайшее имя, была отклонена.

Ниже мы публикуем рассказ «Василий Шибунин», записанный С. Жилиной в Шакинском районе Тульской области от Е. Т. Лукьяновой.

Ну, я не помню, в каком это году, в каком это году было, а вот помню, как мой дедушка рассказывал. Он рассказывал так:

— Здесь всегда у нас стояли солдаты, здесь царский поезд проезжал, они охраняли. Ротный у нашего дедушки стоял, а солдат этот в избушке рядом жил. Его нужно было послать на пост. Он пришел туда, к ротному, говорит:

— У меня сапоги совсем развалились. — Я приказываю. — А я, — говорит, — не пойду в таких рваных.

— Я приказываю идти. Он категорически отказывается. — Ты пьяный, — на солдата на этого. — Никак нет.

— Ну-ка дыхни, дыхни на меня. А сам дергает его. Взял за шиворот и трясет.

— Дышь на меня.

— Не буду дышать. Что ты! — говорит, — я не пьяный.

Ротный его ударил по щеке.

— Ты, стервец, пьяный.

— Ты за что, — говорит, — меня? Я тебя не трогал.

Тут еще фельдфебель был.

— Как ты смел трогать ротного, не слушая его приказ?

Тут и пошло. Суд полевой. Осудили его на расстрел.

А вот граф Толстой вступился за него.

— Как? За что? Он вперед его тронул.

Дали Толстому трехдневный срок ходатайствовать за него.

А солдатик заживо по себе стал читать псалтырь. Поп пришел исповедывать и причащать. Не принял попа, не принял причастия.

Дедушка рассказывал: — Отойди, — говорит на попу.

Когда пришли его брать, связали руки, повели туда — он так смело шел, даже всех поразило (дедушка рассказывал).

Вперед пошел идет, начальники, а потом и его ведут. Его под руки прямо связали, чтобы он не ушел, ведь боялись, как бы не убежал, а он так смело идет, прямо пятаками землю рубит.

Могила готова, вырыта, рядом вкопали столб, к столбу его привязали, надели на него саван. Поп давал крест — он не принял. «Все удивились», — говорил дедушка, — почему такой смелый».

Посмотрел он по сторонам кругом, он смотрел в ту сторону, где висел был у нас, — ротных ждал, а потом граф Толстой обещался приехать. Он ждал до последней минуты, что его освободят, потому что граф Толстой приходил к нему, когда он сидел, просил начальство, чтобы его простили, на суде за него выступал, говорил хорошо.

В ряд выстроились солдаты. Все выстрелили, а у одного русские упало из рук. Подбежали начальники:

— Ты почему не стреляешь?

— Я не могу, мы из одной деревни. И заплакал.

Когда дали залп, он повис у столба. Трепещет весь, может, и живой был... А его прямо бросили в яму. Солдаты, которые отвязывали, говорили:

— Он в яме кувирается, ворочается там.

А тут приехал как раз Толстой. Подъехал, подает бумагу, а его уже нет...

Так жалко, так жалко.

И вот видно было, что частенько свечки горели на могиле Старушки, наверно, зажигали.